

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его в масле лоснились*, как спелые вишни. Пахло от него хересом* и флёр-д'оранжем*. Тонкий же только что вышел из вагона и был с чемоданами. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком — его жена, и высокий гимназист с прищуренным* глазом — его сын.

— Порфирий! — воскликнул толстый, увидев тонкого. — Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет*!

— Батюшки! Миша! Друг детства! Откуда ты взялся? — воскликнул* тонкий.

Приятели троекратно* поцеловались и стали смотреть друг на друга глазами, полными слез. Оба были приятно удивлены встрече.

— Милый мой! — начал тонкий. — Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, погляди же на меня хорошенко! Такой же красавец, как и был! Такой же щеголь*! Ах ты, господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урожденная Ванценбах*... лютеранка*... А это сын мой, Нафанаил, ученик III класса. Это, Нафания, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

— В гимназии вместе учились! — продолжал тонкий. — Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом* за то, что ты казенную* книжку папирóской* прожёл, а меня Эфиальтом* за то, что я ябедничать* любил. Хо-хо... Детьми были! Не бойся, Нафания! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урожденная Ванценбах... лютеранка.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

— Ну, как живёшь, друг? — спросил толстый, восторженно глядя на друга. — Служишь где? Дослужился?

— Служу, милый мой! Коллежским ассессором уже второй год и Станислава* имею. Жалованье плохое... ну, да бог с ним! Жена уроки музыки даёт, я портсигары* приватно* из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берёт десять штук и более, тому, понимаешь, скидка. Служил, знаешь, в департаменте*, а теперь сюда переведён столоначальником* по тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось, уже статский? А?

— Нет, милый мой, поднимай повыше, — сказал толстый. — Я уже до тайного советника дослужился... Две звезды имею. Тонкий вдруг побледнел, окаменел*, но скоро лицо его искривилось* во все стороны широчайшей* улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съёжился*, сгорбился*, сузился... Его чемоданы съёжились*, поморщились*... Длинный подбородок* жены стал ещё длиннее; Нафанаил вытянулся и застегнул все пуговицы своего мундира...

— Я, ваше превосходительство*... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможы-с*! Хи-хи-с. — Ну, полно*! — поморщился толстый. — Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства — и к чему тут это чинопочитание!

— Помилуйте... Что вы-с... — захихикал* тонкий, ещё более съеживаясь. — Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как живительной влаги*... Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом... Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения*, сладости* и почтительной кислоты*, что тайного советника стошнило*. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку. Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал: «хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул* ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.